

УДК 316.613

О.И. БИЛЬКО

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В АРХИТЕКТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Билько Оксана Игоревна – аспирантка кафедры социологии Днепропетровского национального университета им. О. Гончара

Статья посвящена рассмотрению архитектурного пространства современного города как объекта трансляции культурно-символических кодов, отражающих особенности социально организованного нарративного производства социального контроля. Автором сделан вывод о целесообразности применения теории паноптизма в отношении анализа механизмов социального контроля, воплощенных в архитектурных формах и конструкциях современности.

Ключевые слова: социальный контроль, архитектурное пространство, культурно-символический код, паноптизм.

Стаття присвячена розгляду архітектурного простору сучасного міста, як об'єкта трансляції культурно-символічних кодів, що відображають особливості соціально організованого нарративного виробництва соціального контролю. Автором зроблено висновок про доцільність застосування теорії паноптизму щодо аналізу механізмів соціального контролю, втілених в архітектурних формах і конструкціях сучасності.

Ключові слова: соціальний контроль, архітектурний простір, культурно-символічний код, паноптизм.

The article deals with the architectural space of the modern city as an object of cultural transmission of symbolic codes reflecting features of socially organized narrative production of social control. The author concluded that the feasibility of applying the theory panoptizma for the analysis of mechanisms of social control embodied in the architectural forms and designs of today.

Keywords: social control, architectural space, cultural and symbolic code, panoptizm.

© О.И. Билько, 2012

Городская среда может рассматриваться, с одной стороны, как совокупность административной, политической, торговой, культурной жизни, с другой стороны, как специфическая архитектурная организация пространства, влияющая на формирование социальных практик горожан. В этом отношении город изначально позиционируется в качестве носителя определенной культурной информации, представляя собой особую знаково-символическую систему. Другими словами, архитектурное пространство города анализируется как невербальная, визуальная система коммуникации, как набор знаков и значений, которые создаются и передаются его жителями, отдельными социальными группами или институтами, и формируют, используя терминологию М. Фуко, так называемый «режим правды». В ситуации символического закрепления существующей общественной структуры посредством архитектуры и структурирования социального пространства горожан, актуализируется вопрос относительно механизмов поддержания социальной стабильности и порядка в «сообществе индивидуализации и визуального потребления», явных и латентных стратегий проявления властного дискурса в отношении социоконтролирующих процессов. Исходя из этого, цель настоящей статьи – выявить особенности репрезентации социального контроля в архитектурном пространстве современного города.

Необходимо отметить, что проблема отражения в архитектурном пространстве различных идеологий и стратегий контроля первоначально развивалась в рамках (пост)структурализма и семиотики. В первую очередь, этому вопросу посвящены работы

Р. Барта и М. Фуко, Т. Ван-Дейка, П.Бурдые, Р.Колхааса, У.Эко, Н.Эллиаса и пр. Изучение пространства городской культуры сквозь призму анализа социального контроля отражено в трудах Р. Парка, К. Леви-Стросса, Ч. Дженкса, К. Линча В.Беньямина, М.Хальбвакса, К. Тайге и др. Немаловажную роль в исследовании символики архитектуры и семиотики города сыграли также Ж. Деррида, Ж.Лакан, М.Шапиро, К. Силверман, Ж. Бодрийяр Й. Фишер и Х. Делитц Р. Смит и В.Бани и другие ведущие современные теоретики. На постсоветском пространстве тематика социального контроля в контексте анализа архитектуры города представлена работами Ю.Лотмана, А.Иконникова, В. Топорова, А. Усмановой, О. Бойцовой, М. Семиной и др.

Определяя городскую среду в категориях «образа» и «символа», мы подчеркиваем, что архитектурное пространство города представляет собой напластования, наслоения сообщений или, по выражению Ю.М. Лотмана, «котел текстов и кодов, разноуровневых и гетерогенных [4, с.453]» (гетерогенность понимается ученым как обязательная зашифрованность текста несколькими кодами). Поэтому в городской культуре мы находим не только разные тексты, но и разные языки, на которых они «пишутся», разные коды, необходимые для их адекватного прочтения. В схожем контексте семантику архитектуры города анализирует В.Н.Топоров, рассматривая ее как совокупность сообщения, отправляемые улицами, площадями, островами, садами, водными, памятниками, зданиями и т. д. Ученый утверждает, что город «может быть понят, как

символический текст, которому приписывается некий определенный смысл и на основании которого может быть реконструирована система знаков, реализуемая в тексте» [6, с. 227]. Таким образом, можно присоединиться к мнению французских семиологов Р. Барта и Ф. Шюэ о том, что городская среда представляет собой динамику означающих, создающих потоки смысла или бесконечные цепи метафор, где означаемые расщепляются и сами становятся означающими. Иными словами, движение по городскому пространству, в процессе которого происходит чтение текста городской среды, эквивалентно постструктуралистскому понятию «прогулки по тексту», предложенному Р. Бартом.

Символическое пространство города формируется через способность визуальных объектов к трансляции культурно-символических кодов посредством геометрических, семантических и эстетических характеристик. То есть архитектурная среда - это не столько выражение индивидуального видения ее создателей, сколько репрезентация социального порядка через информационный поток, формирующий в сознании людей ментальные и идеологические пространства. В указанном аспекте М. Кастельс говорит о том, что архитектурные формы построенной городской среды - один из наиболее значимых кодов для прочтения базовой структуры господствующих в обществе ценностей [3, с. 345].

Исходя из этого, знаковые сценарии в архитектурном пространстве города являются эффективным механизмом социального контроля, поскольку горожанин постоянно находится в тесном контакте с ним, не имея возможности изменить существующую топологию. «Архитектура окружает нас повсюду, - считают Й. Фишер и Х. Делитц - Мы соприкасаемся с ней ежедневно, ощущая ее постоянство и наглядность, она присутствует, когда мы предпринимаем различные действия. Архитектура, будучи постоянно рядом и преобладающая над другими коммуникативными средствами культуры, явно выделяется среди них. В своих вездесущих конструкциях она воплощает саму организацию общества [2, с.114].»

То есть, каждый субъект, воспринимающий архитектурную среду, становится пассивным потребителем пространства, погруженным в установленный символический порядок. Связь социального контроля с архитектурным пространством города анализирует Дж. Шорт, который отмечает, что архитектура города - это система символической коммуникации, которая свидетельствует о том, кто является носителем власти, на чем эта власть держится. Форма, назначение, размер, внутреннее планирование или внешний дизайн - все это является свидетельством природы, особенностей распределения и борьбы за власть в своей основе опирается на значения, которые репрезентировало, репрезентировало и могло бы репрезентировать городское пространство «на самом деле город - это система знаков, которые демонстрируют власть и престиж, статус и влияние, победы и поражения» [9, с 390].

Ставя под вопрос «абсолютную данность» про-

странственного окружения, мы тем самым делаем вывод, что архитектурная среда всегда социально наполнена, и может быть рассмотрена в категориях «власти» и «принуждения». Обращаясь к анализу современного архитектурного пространства города, М. Фуко отмечает, что развивается проблематика архитектуры, которая создается не просто для того, чтобы предстать взору (пышность дворцов), не для обеспечения обзора внешнего пространства (геометрия крепостей), а ради осуществления внутреннего упорядоченного и детального контроля, ради того, чтобы сделать видимыми находящиеся внутри. Урбанистическая ткань современного города, немислима без небоскребов и стеклянных фасадов, создает специфическую систему социального контроля, основанную на принципе тотальной наглядности и проникновенности: «Внутреннее пространство здания все больше теряет свою жесткую отграниченность от внешнего пространственного окружения. Стена становится проницаемой преградой, расслаивается на отдельные элементы или, во всяком случае, стремится это изобразить» [5, с. 101]. Словом, архитектура теперь призвана быть инструментом преобразования индивидов: воздействовать на тех, кто в ней находится, управлять их поведением, доводить до них проявления власти, делать их доступными для познания, изменять их. Как указывает М.Фуко «Камни могут делать людей послушными и знающими. Старая простая схема заключения и ограждения (толстые стены, тяжелые ворота, затрудняющие вход и выход) заменяется расчетом числа окон и дверей, глухих и пустых пространств, проходов и просматриваемых мест» [7, с. 250].

Контроль над средствами визуальности наделяет архитектуру властью неограниченного наблюдения. В этом отношении система социального контроля в архитектурном пространстве современного города находит выражение в модели «Паноптика» И. Бенгама, созданной в 1786 году, которую М.Фуко считал архитектурным воплощением дискурса, именуемого им «паноптизмом». М.Фуко вернул паноптикон в русло критического обсуждения, утверждая, что он служит моделью конструирования власти в «дисциплинарном обществе» нашего времени. Паноптикон методично организует индивидуумов в структуру, которая позволяет все время держать их под наблюдением. Паноптическое сужение визуальности в единый вид у М. Фуко вторит анализу понятия «панорама» у Р. Барта, в котором определяется гипервизуальность, получаемая при виде с Эйфелевой башни. «Древнее общество было обществом зрелищ с архитектурой храмов, театров и цирков, дающих возможность большому количеству людей наблюдать малое количество объектов; общество современное, напротив - общество контроля, основные элементы которого уже не общественная жизнь, а, с одной стороны, отдельные индивиды и государство - с другой, и их отношения могут быть установлены лишь как прямо противоположные зрелищу [7, С. 316].

Э. Гидденс, подчеркивая важность исследований Фуко, также отмечает, что архитектура организа-

цій напряму пов'язана з їх соціальним статусом і системою влади, а офіси є архітектурною середою всередині організацій. Е. Гідденс відзначає, що архітектура будівель сучасного міста тісно пов'язана з надзором як засобом підкорення властям [1, с. 407].

Постійне спостереження є владою, доведена до досконалості, і ідея паноптикума мала помітний вплив на канон сучасної архітектури. В «Безумному Нью-Йорку» Р. Колхаас переносить іглу і куля як дві емблематичні форми, повторюючіся під різними обличчями: небоскреба і рельєфного повітряного куля. Колхаас вважає розвиток Манхэттена безпосереднім результатом діалектики між двома цими формами. «Манхэттен — Розеттський камінь ХХ століття... населений архітектурними мутаціями», — пише він [8].

Якщо небоскреб вимагає уваги і пошани, то куля обіцяє вразливість, а їх репрезентації представляють собою потужні метафори реалізації влади в урбанізованому світі. Р. Колхаас, як М. Фуко і Р. Барт, порівнює відносини влади до організації простору, роблячи

можливими обширні панорами і дальній огляд.

Підводячи висновки, необхідно відзначити, що архітектурний простір міста розглядається нами в контексті символічного взаємодія між властними структурами і акторами засобом архітектурних конструкцій і оформлення життєвої середою. В цьому відношенні архітектура міста формує не тільки матеріальні оболонки для процесів життєдіяльності, але і «тексти» повідомлень, закодовані специфічним мовою форм, дозволяють орієнтуватися в культурному просторі і закріплюють визначені системи ідей і цінностей. Слово, архітектура не просто відтворює соціальну середу, але і конструює її завдяки своїй матеріальності, і в цьому проявляються її соціоконтролюючі функції. Архітектурний простір сучасного міста, якості особливості якого є переважає висоток і скляних фасадів, створює специфічну систему соціального контролю, засновану на принципі тотальної наглядності і проникності, що, в свою чергу, може бути розглянуто в контексті теорії паноптизму.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гідденс Е. Соціологія [Текст] / Е. Гідденс. — М.: Едиториал УРСС, 2005. — 632 с.
2. Делітц Х. Архітектура в соціальному виміренні: Пер. нім. М.Б. Вильковський, А.Г. Вороб'єва [Текст] / Х. Делітц // Соціол. дослід., 2008. - № 10. — С. 113–120.
3. Кастельс, М. Інформаційна епоха: економіка, суспільство і культура: Пер. з англ. під наук. ред. О.І. Шкаратана [Текст] / М.Кастельс. — М.: ГУ ВШЕ, 2000. — 607 с.
4. Лотман Ю. Семиосфера [Текст] / Ю. Лотман. — СПб., 2000. — 704 с.
5. Лукашкін С. Ритм в сучасній архітектурі як знак зміщення в переживанні простору-часу [Текст] / С. Лукашкін // Соціальна аналітика ритма. Збірник матеріалів конференції. СПб.: Санкт-Петербурзьке філософське суспільство, 2001. — С.99-103.
6. Топоров В. Петербурзькі тексти і петербурзькі міфи [Текст] / В. Топоров // Міф. Ритуал. Символ. Образ. Дослідження в області міфопоетичного. — М., 1995. — 624 с.
7. Фуко М. Надзирати і карати. Народження тюрем [Текст] / М. Фуко. — М.: «Ad Marginem», 1999. — 478с.
8. Koolhaas, R. Delirious New York [Text] / R Koolhaas. (доступно на) http://www.daaq.net/folio/bibliography/b_koolhaas.html
9. Short, J. City as Text [Text] / J.Short // The Urban Order: An Introduction to Cities, Culture, and Power. — Cambridge: Blackwell, 1996. — Рр.390- 413.